

ЗАМОРСКИЙ ТАЙНИК

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17   **Заморский тайник / Александр Тамоников. —**
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Спецназ КГБ).
ISBN 978-5-04-205680-2

Конец семидесятых годов. С подмосковной дачи известного профессора-историка похищена редкая икона, гордость коллекции. Одновременно в разных концах страны совершены еще три похожие кражи. Следствию удается задержать одного из преступников. С его слов, все украденные реликвии были проданы за рубеж. Кто заказчик, злоумышленник не знает, но посредником сделки был гражданин ФРГ. Вернуть бесценные шедевры поручено группе спецназа КГБ Вячеслава Богданова. Под видом матросов грузового судна бойцы прибывают в Гамбург...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205680-2

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

У профессора-историка Леонтия Кузьмича Матвеева было увлечение — он коллекционировал предметы старины. Впрочем, увлечение — это было словом приблизительным и неточным. Страсть — вот самое точное слово! Да-да, именно так — страсть! Леонтий Кузьмич был страстным коллекционером. Он коллекционировал предметы старины.

Вообще-то, предметы старины — это весьма растяжимое, образное и многогранное понятие. Предметом старины можно назвать любую вещицу или даже фрагмент вещицы — какой-нибудь черепок от древнего сосуда, или, скажем, обломок такого же древнего меча, или что-то иное в этом роде. И это будет правильно: если найденному черепку или обломку меча много сотен лет, то они и есть предметы старины.

Но ни черепки, ни мечи, ни какие-нибудь ветхие манускрипты Леонтия Кузьмича не интересовали. То есть, конечно, они его интересовали — как свидетельства исторических эпох. Они его интересовали в профессиональном плане —

как-никак Леонтий Кузьмич был профессором-историком. Но трепетной страсти они в нем не вызывали.

Такую страсть в нем вызывали совсем другие предметы старины — а именно все, что так или иначе было связано с религией. Причем неважно, какая это была религия — старообрядчество, православие, да хоть даже всевозможные языческие игрища и ритуалы! Профессор Матвеев не был верующим человеком, и потому древние раритеты не вызывали в нем трепетных душевных чувств. Хотя все же вызывали. Да-да, конечно же, вызывали! Но к религии и вере эти чувства не имели никакого отношения. Он был коллекционером и испытывал к предметам, которые собирал, чувства собственника, прекрасно осознающего, что ни у кого больше таких предметов нет и быть не может. Возможно, кому-то такие чувства будут непонятны, но в этом случае тот, кому они непонятны, — никакой не коллекционер. А вот истинный коллекционер-собиратель прекрасно поймет чувства профессора Матвеева и разделит его душевный трепет.

При всем при том Леонтий Кузьмич не имел, можно сказать, прямого отношения к древним векам и эпохам. Он хоть и был профессором-историком, но изучал эпохи, гораздо более приближенные к современности. В этих эпохах не было уже раритетов, коими так интересовался профессор Матвеев. Там были совсем другие ценности, и

они не вызывали у профессора душевного трепета, и коллекционировать их ему не хотелось. Он их изучал, не испытывая к ним никаких волнительных чувств. Да, это, наверно, шло вразрез с элементарной логикой, но при чем тут логика, когда речь идет о страсти? Страсть — она не имеет с логикой ничего общего, она живет по своим правилам и законам.

За всю свою сознательную жизнь — начиная от студенческих лет и заканчивая нынешним возрастом — Леонтий Кузьмич добыл множество самых разнообразных артефактов. Тут были и небольшие фрагменты, и целые вещи. Некоторые из предметов профессор реставрировал, причем делал это самолично, не доверяя этой тонкой работы никому, даже известнейшим реставраторам. И не потому, что он опасался за сохранность своих сокровищ. Наоборот, он рассказывал о них многим людям и довольно часто устраивал своего рода выставки, где выступал в роли экскурсовода. Разумеется, кого попало на эти выставки он не приглашал, а все больше людей, понимающих толк в старине и красоте. Ему нравилось видеть удивленные лица посетителей и слышать их восхищенные голоса. О профессоре и его коллекции даже писали в газетах. Все это наполняло душу профессора радостью и гордостью.

Ну, а что касается реставрирования, то Леонтию Кузьмичу просто нравилось заниматься этим

делом. И он это умел. А если тебе нравится и ты это умеешь, то зачем приглашать кого-то другого?

Жил профессор вместе с семьей в Москве, у него в столице была квартира — просторная и с множеством комнат. Но все равно — хранить в квартире раритеты было делом непростым, если не сказать невозможным. Во-первых, раритетов было много, и некоторые из них были довольно-таки громоздкими. И потому в городской квартире, даже просторной, все их вместить было просто невозможно. А во-вторых, некоторым раритетам необходимы были специальные условия для их сохранности: определенная температура, освещенность — чтобы было не очень темно, не слишком ярко, ну и тому подобные важные условия. Понятно, что в городской квартире соблюсти все эти условия не было никакой возможности. Поэтому все свои богатства профессор хранил на даче. Дача у него была за городом, но при этом от самого города недалеко, так что добраться до нее можно было за каких-то полчаса. Это, конечно, если ехать на машине, а машина у Леонтия Кузьмича имелась — «Волга». Дача была двухэтажной, и это было замечательно. Почти весь второй этаж профессор отвел под своеобразный выставочный зал для своих раритетов. Конечно, даже там они вмещались едва-едва, но пока что вмещались.

Леонтий Кузьмич не опасался, что с его сокровищами может случиться какая-нибудь беда — допустим, кто-то может их украсть. Об этом он даже

не думал. Во-первых, коллекция хранилась на даче уже много лет, и ни разу еще не случилось какой-нибудь пропажи. Никто из посторонних даже не приближался к даче, а не то чтобы пытался проникнуть внутрь. Во-вторых, профессор оборудовал дачу сигнализацией. Ну и в-третьих — он нанял специального человека, иначе говоря, прислугу.

Профессорский оклад и гонорары от публикуемых книг позволяли Леонтию Кузьмичу такую несоциалистическую вольность, как прислуга. Человек этот был проверенным, с рекомендательными письмами, что и понятно — первого попавшегося профессор у себя на даче не поселил бы. А этот человек жил именно на даче, в небольшом флигеле. Причем круглогодично. Семьи у него по какой-то причине не было, а почему — Леонтий Кузьмич не интересовался, так как считал такое любопытство неэтичным. Для профессора гораздо важнее было то, что этот человек — не пьющий, спокойный, к тому же мастер на все руки. Он был и садовником, и дворником, и электриком, и слесарем-водопроводчиком, и штукатурить умел, и плотничать, и, наверно, обладал какими-то другими познаниями и умениями. Но главной его обязанностью было сторожить дачу, а пуще всего — выставочную галерею на втором этаже.

Человека этого звали Федором Кузнецовым. Жил он на профессорской даче вот уже почти четыре года, и за все это время не случилось ни еди-

ного казуса или какого-либо недоразумения. Все на даче было в порядке, сокровища на втором этаже — в целостности и сохранности, а что еще надо?

Как Леонтий Кузьмич добывал свои богатства, в каких местах и какими способами? Можно сказать, по-разному. Или, иными словами, все это было делом случая. И при этом — никакой противоправной деятельности, никакого криминала! Ничего подобного профессор себе позволить не мог. Он был известной в городе и даже во всей стране личностью, уважаемым человеком, у него было имя, был авторитет — какие уж тут вольности с законом? Да он и склонен-то не был ни к какому криминалу!

Словом, все было чинно и гладко. Какую-то часть раритетов Леонтий Кузьмич добывал на раскопках древних курганов и городищ. Он очень любил вместе со студентами ездить на такие раскопки — в первую очередь именно потому, что там можно было разжиться какой-нибудь необычной древней вещицей или хотя бы ее частицей. О, разумеется, он прекрасно знал: все, что хранится в земных недрах, есть собственность государства, и потому самовольное присвоение какого-нибудь раритета — это преступление. Но все дело было в том, что зачастую государству найденные при раскопках черепки, железки, камешки, а то и какие-то вещи в относительной сохранности были просто не нужны. А Леонтию Кузьмичу нужны. Государство не видело в них никакой особой

ценности, а Леонтий Кузьмич видел. И он забирал себе то, что не нужно было государству. Какое тут преступление, в чем здесь криминал?

Немало сокровищ для своей коллекции профессор покупал с рук. Опять же, это не были краденые предметы — уж в таких-то делах Леонтий Кузьмич разбирался отлично. Все было совсем иначе — профессор покупал сокровища на барахолках, среди всяческой рухляди. Иногда на этих развалах встречались вещи воистину удивительные — настоящая старина! Тот, кто эти вещи продавал, ни о чем таком, конечно, не ведал, а вот Леонтий Кузьмич ведал. Разумеется, он ничего не говорил продавцу об истинной ценности вещи. Было ли это, опять же, преступлением? Если и было, то лишь против совести, а вот против закона — ни в коем случае! Да и против совести было ли? Ведь если бы продавец какую-нибудь редкую вещицу не продал, то он почти наверняка ее бы выбросил. Или уничтожил. И в итоге человечество лишилось бы уникального раритета.

Так в чем же здесь преступление против совести? Наоборот, профессор поступал по совести — он сохранял частицу истории человечества. Вот так-то — если уж называть вещи своими именами. А то, что купленная вещица оседала в личной коллекции профессора — так, опять же, в чем тут проступок? Государство — оно по барахолкам не ходит и не выискивает там всяческие ценности. Государству это без надобности. А вот Леонтий

Кузьмич ходит, он видит в этом смысл. И здесь его интересы никак не соприкасаются с интересами государства.

А еще — его величество случай. Иными словами, какую-то часть раритетов Леонтий Кузьмич добывал в буквальном смысле благодаря приходу случая. Вот, скажем, совсем недавно профессор разжился двумя старинными иконами. А дело было так. Его дача находилась недалеко от одного подмосковного поселка. Это был старый, еще до-революционных времен поселок, и многие дома в нем также были старыми, скособоченными, вот-вот готовыми развалиться. Конечно, такие дома сносили, и на их месте строили новые.

Леонтий Кузьмич любил смотреть, как сносят старые дома. Это зрелище почему-то привлекало его само по себе, а еще он знал, что в старых домах можно разжиться какой-нибудь древней, поистине дорогой вещицей. Вещи, как известно, переживают своих хозяев, иногда — на целые века.

И вот: в поселке ломали один их ветхих домов. Дом был старый, в нем давно уже никто не жил. Говорили, что его еще в восемнадцатом веке строил какой-то купец — да, наверно, так оно и было. Обычно в старых домах, в которых никто не живет и жить уже никогда не будет, всегда есть чем поживиться. Двери, рамы, половицы — все это может пригодиться для каких-то целей другим людям. Но в данном случае и двери, и рамы, и по-

ловицы были на месте: уж слишком все это было ветхим. Гниль — она даже на дрова не годится.

Леонтий Кузьмич как раз в то время был на даче, и он пошел смотреть, как ломают старый купеческий дом. Когда дом сломали и когда бульдозер начал сгребать в кучу обломки, кто-то из рабочих заметил деревянный, окованный ржавыми металлическими полозьями сундучок.

— Ну-ка, погоди! — замахал рабочий бульдозеристу. — Погоди, тебе говорят!

— Чего? — высунулся из кабины бульдозерист.

— Чего-чего! — передразнил рабочий. — Видишь — какой-то ящичек! Вроде как сундучок. Или ларец...

— Какой еще сундучок? — не понял бульдозерист. — Отойди, мне эту гниль надо сгрести в кучу!

— Успеешь, — сказал рабочий и глянул на своих товарищей. — Ну-ка, братцы, подсобите. Интересный сундучок!

— И что же в нем интересного? — равнодушно спросили сразу несколько голосов. — Ну, сундук... И что?

— Э, нет! — усмехнулся рабочий. — Всякое бывает в таких сундуках... А вдруг там спрятано золото? Или, скажем, какие-нибудь жемчуга? Дом-то старинный, купеческий! Вот купчина чего-нибудь и припрятал на черный день! А воспользоваться не успел. Скажем, неожиданно помер. Или его расстреляли большевики. Всякое могло быть! А пото-

му надо бы посмотреть, что там, в том сундучке. А может, и впрямь сокровища? Понятно это или непонятно вашим бестолковым головам?

Слово «сокровища» рабочим было вполне понятно.

— А что! — раздались голоса. — Оно ведь и впрямь... Всякое бывает — в таких-то домах. Вот и в газетах пишут... Я читал. Ломали, значит, дом примерно такой же, как этот. И вот представьте себе...

Но никому было неинтересно, что случилось в каком-то абстрактном доме невесть где и когда. Рабочие мигом разгребли гниль и вытащили сундучок.

— Э, да на нем замок! Здоровенный такой, старинный... Значит, и в сундуке что-то есть. Кто бы стал запирать на замок пустой сундук? А вот мы его сейчас! Топором или обухом!..

Леонтий Кузьмич все это видел и слышал — он находился неподалеку. Перепрыгивая через завалы, он подбежал к рабочим.

— Погодите! — крикнул он. — Зачем топор? Не надо топора! Опустит топор, тебе говорят! Тут надо осторожно... А вы как варвары!

— А ты кто такой? — спросил рабочий с топором. — Начальство, что ли? Ну, так откуда ты тут возник, начальникек? Почему я должен годить?

— Если там и вправду что-то ценное, то своим топором ты все уничтожишь! — запальчиво произнес Леонтий Кузьмич. — Неужели непонятно?

Это тебе не дрова рубить. Тут надо с умом... Осторожненько, бережно...

— А ведь и вправду, — загалдели рабочие. — Тут надо с умом! А ты, Серега, размахался колуном! Тебе только колуном и махать. Отойди-ка со своей секирой! Мы сами, без тебя...

— Нет, а кто ты есть? — не унимался Серега, со злостью глядя на Леонтия Кузьмича. — Ходят тут, командуют...

— Я — профессор Матвеев Леонтий Кузьмич. Здесь неподалеку моя дача.

— Во как! — удивились рабочие. — Профессор! Дача! А ты, Серега, тут с топором... Дурак ты и есть. И помрешь дураком. Товарищ профессор, так что же там может быть, в том сундучке? Как вы думаете?

— Всякое может быть, — ответил Леонтий Кузьмич. — Иногда раритеты...

— Чего? — Рабочие явно не знали, что такое «раритеты».

— Всякие старинные предметы, — пояснил профессор. — Весьма ценные для науки.

— А-а-а! — уважительно протянули рабочие. — Тогда конечно... А вот, скажем, золото может там быть?

— Может, и золото, — отозвался профессор. — Все может быть.

— И что же, вы когда-нибудь находили золото? — спросили рабочие.

— Случалось, — усмехнулся Леонтий Кузьмич.